

ОТДАВАЯ ЖИЗНЬ ЗА ХРИСТА

Чин святых мучеников и исповедников с самого начала христианской эры исторически стал первым и наиболее почитаемым чином христианских святых. В деле распространения и утверждения христианства мученичество имело весьма важное значение. Твердость и непоколебимость страдальцев, которые мужественно шли на смерть за свою веру, так сильно действовали на окружающих, что нередко сами мучители обращались к христианству.

Еще важнее сам характер мученического подвига. Мученик свидетельствует свою веру во Христа самым радикальным образом – отдавая за Него свою жизнь. Тем самым мученик подлинно идет за Христом, как бы повторяя Его крестный подвиг. Мученик реально делает выбор, что ему дороже: Христос или он сам, собственное земное существование. Тем самым он в высшей мере выполняет заповедь Христову “Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною; ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее” (Мф.16,24–25). Мученик несомненно последовал за Христом, своими страданиями и своей кровью удостоверив свою веру в Спасителя.

Поэтому почитание мучеников началось в Церкви сразу же после появления первых из них.

Теперь только начинаю быть учеником. Ни видимое, ни невидимое, ничто не удержит меня придти к Иисусу Христу. Огонь и крест, толпы зверей, рассечения, расторжения, раздробления костей, отсечение членов, сокрушение всего тела, лютые муки диавола придут на меня, только бы достигнуть мне Христа.

Святой Игнатий Богоносец.

НАСТУПЛЕНИЕ ВЛАСТИ НА ЦЕРКОВЬ

Наступление советской власти на Церковь было ознаменовано ограблением ее ценностей, закрытием и разрушением святых храмов, разорением и поруганием русских национальных святынь, гибелью бесчисленных и ценнейших памятников церковного творчества. Все эти храмы, памятники и ценности, созданные на протяжении многих веков трудом, любовью и гением русских людей, служили народу, делу его нравственного, духовного и патриотического воспитания, они воскрешали историческую память народа, хранили летопись поколений и доблесть военных побед, они воплощали в своем монументальном облике величие, могущество и славу России.

Но самым драматическим явлением в жизни Русского Отечества и Русской Православной Церкви после 1917 года следует считать обрушившуюся на церковную иерархию и верующий народ волну массовых жестоких репрессий, унесших жизнь миллионов наших соотечественников. В условиях беспрецедентных в истории притеснений, преследований и открытых гонений многочисленные сонмы святителей, священников, монашествующих и простых русских людей явили высоту, величие и благородство христианского религиозного духа и запечатлели свою верность Христу праведной мученической кровью.

Двадцатое столетие – особое время в жизни Русской Церкви. Это – эпоха невиданных гонений за веру, по своим масштабам, циничности, коварству и жестокости превосходящих всё, что когда – либо выпадало на долю последователей Христовых.

В XX веке одна Россия дала миру больше мучеников и исповедников, чем вся предыдущая история всей христианской Церкви. Однако кровавый Армагеддон, устроенный “красным драконом”, унёсший миллионы безвинных жертв, вопреки нечестивым ожиданиям богоборцев не смог погубить Святую Русь. XX век стал Великим Днём Господним в России.

Множество мучеников и мучениц всех возрастов и сословий, принесящих свою жизнь в жертву Христу Богу, стали свидетельством господства духа над плотью и тлением; стали явлением христианской идеи и жизни, стали фактом непобедимости христианского терпения и мужества. Свидетельством господства духа – потому что эти люди не захотели сохранить жизнь

XX СТОЛЕТИЕ ОСОБОЕ ВРЕМЯ В ЖИЗНИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

или приобрести блага мира во вред своей душе, ибо душа человеческая больше, ценнее всего мира. Они были служителями животворящего Духа. Явлением расцвета христианской жизни – ибо заповеди и повеления Божии были для них не отвлеченными истинами, а насущным хлебом их повседневной духовной жизни. Без исполнения заповедей их жизнь была бы пуста и бессмысленна. Святая и совершенная воля Божия была навсегда неистребимо написана на скрижалях их сердец.

Фактом непобедимости христианского терпения и мужества, незыблемого стояния в любви Божией – ибо сильна, как смерть, любовь и даже сильнее смерти. Никто и ничто – ни смерть, ни теснота, ни го-

нения, ни голод, ни опасность, ни меч – не могли отлучить их от любви Божией. Но всё это они преодолевали силою возлюбившего их Бога (Рим. 8, 35–37). Их жизнь и смерть были убедительнейшей проповедью истинности и неразрушимости Христова дела. Кровь мучеников, по словам Тертуллиана, всегда была семенем, из которого вырастал новый народ Божий. Мученики и исповедники совершили нетленный подвиг, страдания перенесли со славою, были превознесены Богом и сделались похвалою Церкви. Как это перекликается с настроением, мирочувствием и подвигом первых христиан! Достаточно вспомнить апостольского мужа св. Игнатия Богоносца, отдавшего себя в руки мучителей

и спешившего принести себя в чистую жертву Христу Богу, умоляя христиан не препятствовать этому. “Никакой пользы не принесут мне удовольствия мира, ни царства века сего. Лучше мне умереть за Иисуса Христа, нежели царствовать над всею землею ... Его ищу, за нас умершего, Его желаю, за нас воскресшего ... Хочу быть Божиим : не отдавайте меня миру. Пустите меня к чистому свету: явившись туда, буду человеком. Дайте мне быть подражателем страданий Бога моего” (Послание св. Игнатия к Римлянам, IV).

“Ради Христа я несу на себе узы, этот духовный жемчуг, в котором желал бы я воскреснуть” (Его же послан. к Ефессянам, XI).

“Я пишу церквам и всем ска-

зываю, что добровольно умираю за Бога, если только вы не воспрепятствуете мне. Умоляю вас: не оказывайте мне неблагодарной любви. Оставьте меня быть пищею зверей и посредством их достигнуть Бога. Я пшеница Божия, пусть измелют меня зубы зверей, чтобы я сделался чистым хлебом Христовым (Его же послание к Римлянам, IV).

Духовная жажда подражания Христу, стяжания праведности и святости Христовой никогда не иссякала в России. Не стоит город без святого и село без праведника – говорили в старину на Руси. И в XX веке, времени разгула безбожия и безнравственности, Промыслом Божиим в России воздвигались и сохранялись богобоязненные чистые люди, которые ставили целью своей жизни стараться быть подобными Христу в Его преданности и послушании воле Отца Небесного, незлобivosti, милосердия, кротости, смирении, молитвенности и бескорыстной любви.

Патриарх Русской Православной Церкви Алексий II.

БОЛЬШЕВИКИ и Русская Православная ЦЕРКОВЬ

**ЧЛЕНАМ ПОЛИТБЮРО.
СТРОГО СЕКРЕТНО.
от 19 марта 1922 г.:**

«...ИЗЪЯТИЕ ЦЕННОСТЕЙ, В ОСОБЕННОСТИ САМЫХ БОГАТЫХ ЛАВР, МОНАСТЫРЕЙ И ЦЕРКВЕЙ, ДОЛЖНО БЫТЬ ПРОИЗВЕДЕНО С БЕСПОЩАДНОЙ РЕШИТЕЛЬНОСТЬЮ, БЕЗУСЛОВНО НИ ПЕРЕД ЧЕМ НЕ ОСТАВАЛИСЬ НИ В САМЫЙ КРАТЧАЙШИЙ СРОК. ЧЕМ БОЛЬШЕЕ ЧИСЛО ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РЕАКЦИОННОЙ БУРЖУАЗИИ И РЕАКЦИОННОГО ДУХОВЕНСТВА УДАСТЯ НАМ ПО ЭТОМУ ПОВОДУ РАССТРЕЛЯТЬ, ТЕМ ЛУЧШЕ».

Архивы Кремля.
Политбюро и Церковь. 1922-1925 гг.

ДУХОВНЫЙ ТЕРРОР

Беспощадное революционное время поставило Православную Церковь - нравственную опору закона - вне закона и обрекло ее на бесправное положение, угнетение и уничтожение.

Распоряжениями советской власти были закрыты все духовные учебные заведения, ликвидированы церковные издательства, запрещено религиозное образование, прекращены все виды общественного служения Церкви и ее участие в народной и государственной жизни.

К 1939 году по всей стране оставалось незакрытыми менее 100 храмов из 60000 действующих в 1917 году. На свободе пребывали только 4 правящих архиерея, причём и на них в НКВД были сфабрикованы «показания» для ареста, который мог произойти в любое время.

Счет пострадавшим шел на сотни тысяч: по разным оценкам, их было от 500.000 до миллиона православных людей, за Христа пострадавших. Более чем 300 архиереев подверглись репрессиям. Из них свыше 250 архиепископов были казнены или скончались в заключении.

Окончание. Начало на 3-й стр.

Через четыре года вслед за митрополитом Владимиром мученичеством завершил свой жизненный путь святитель Петербургской епархии - митрополит Вениамин (Казанский). Он помышлял о мученичестве еще в детстве. И это было так глубоко и сердечно, что Господь исполнил желание того, кто возлюбил Его и всей жизнью своей Господу отдал свое сердце. «В детстве и отрочестве я зачитывался житиями святых,

писал о себе владыка Вениамин, - восхитился их героизмом... жалея, что времена не те и не придется пережить то, что они пережили».

Не бывшая разруха и голод охватили страну в 1921 г. С ними начались и гонения на Церковь, которые проводились якобы с целью изъятия церковных ценностей. Владыка Вениамин, являя пример высокой христианской любви, благословил передачу ценностей, не имеющих богослужебного употребления, на нужды бедствующих. «Мы все отдадим сами», - говорил он. Но изъятие было не основной целью власти прередающих. Им нужно было устроить показательный судебный процесс над духовенством, обвинив его в заговоре. Взятый в заточение по этому сфабрикованному делу, владыка митрополит особенно страдал за тех, кто был судим вместе с ним. Страдал от клеветы беззаконных судей и от лукавства лжебратьев - новоявленных «иуд» - обновленцев, предающих истину - Церковь. Напрасно любящая владыку паства ходатайствовала за него, напрасны были и его духовная мудрость, и разум, изблотившие всякие клеветы на подсудимых. Приговор - «повинен смерти» - ничто не могло изменить.

И, ожидая исполнения своей участи, митрополит Вениамин оставил своим ученикам и сопастырям заповедь - бессмертные слова возвышенной силы. «Тяжело страдать, но по мере наших страданий избыточествует и утешение от Бога. Трудно переступить этот рубикон, границу, всецело предаться воле Божией. Когда это совершится, тогда человек избыточествует утешением, не чувствует самых тяжких страданий». «Страдания достигли своего апогея, но увеличилось и утешение», - пишет он. - Я радостен и покоен... Христос - наша жизнь, свет и покой. С Ним всегда и везде хорошо. За судьбу Церкви Божией я не боюсь. Веры надо больше, больше ее надо иметь нам, пастырям. Забыть свою самонадеянность, ум, ученость и дать место благодати Божией».

На суде в своем последнем слове владыка Вениамин сказал: «Я не знаю, что вы мне объявите в вашем приговоре - жизнь или смерть, но что бы вы в нем ни провозглашали, я с одинаковым благоговением обращу свои очи горе, возложу на себя крестное знамение и скажу: "Слава Тебе, Господи Боже, за все!"». По достоверным сведе-

СЛОВО В ПРАЗДНИК СОБОРА НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ РОССИЙСКИХ

Архимандрит Иоанн (Крестьянkin)

ниям владыка митрополит шел на смерть спокойно, тихо шепча молитву и крестясь.

Участь владыки разделили и миряне, активные участники в церковной жизни: мученики Юрий и Иоанн, а также священномученик архимандрит Сергей. Архимандрит Сергей, обращаясь к суду, в последнем слове сказал, что монах очень тонкой нитью связан с жизнью. Его удел - богомыслие и молитва, и разрыв этой нити для монаха не страшен. «Делайте свое дело. Я жалею вас и молюсь о вас...». Последними словами его были слова молитвы: «Прости им, Боже, не ведают бо, что творят».

«Господи, прости им, не знают, что делают!» - была и последняя молитва Великой княгини Елисаветы перед тем, как черная бездна заброшенной шахты поглотила ее. Она шла к этой зияющей бездне сознательно, категорически отказавшись выехать из России, когда начались беззакония. Она шла за Христом, и ее душевным очам отсюда, из бездны, бил свет Воскресения. Что привело ее, аристократку, чужестранку в далекий уральский город Алапаевск, ставший для нее Голгофой? Что отдало в руки неведомых, демонической злобой одержимых людей? Жизненные пути их никогда не могли ранее соприкоснуться. Она в идеалах этих людей и последний раз в жизни встретилась с ними. Она встретила их в заточении. Она встретила их в заточении. Она встретила их в заточении. Она встретила их в заточении.

Великая княгиня Елисавета и инокиня Варвара.

«Новые страстотерпцы Российской империи, исповеднически попрели земное претекшии, страдающими дерзновением приимиши, молитесь Христу, вас укрепившему, да и мы, зумевшие зло, она примет его как приговор свыше, как ниспосланную ей возможность делом подтвердить то, что составляло смысл и содержание ее жизни».

Любовь к Богу и любовь к людям была истинным смыслом ее жизни, и она привела Великую княгиню на крест. И ее крест вырос и преобразился в Крест Христов и стал ее наслаждением. Великая княгиня потеряла супруга, погибшего от злонамеренной руки террориста. Своими руками она собирает

то, что осталось от любимого ею человека, и, неся в сердце боль страшной утраты, идет в темницу к преступнику с Евангелием, чтобы простить его и привести ко Христу с раскаянием...

Инокня Варвара, бывшая при Великой княгине-матушке во дни ее трудов, не пожелала оставить ее и в последнем подвиге - умирания. И она восхитила мученический венец своим самоотречением и самоотдачей. В тяжелых мятежные дни 17-го года, когда рушились устои былой России, когда готовились в лице Государя убить русскую государственность, когда все святое подвергалось поруганию, а святыни Кремля - обстрелу, Великая княгиня Елисавета писала, что именно в этот трагический момент она почувствовала, до какой степени «Православная Церковь является настоящей Церковью Господней. Я испытала такую глубокую жалость к России и к ее детям, - пишет она, - которые в настоящее время не знают, что творят. Разве это не большой ребенок... Хотелось бы понести его страдания, научить его терпению, помочь ему... Святая Россия не может погибнуть. Но Великой России, увы, больше нет». И из разрухи и пепелища России, из боли целого народа, из бесчисленных ее смертей звучит глас святой жертвы, утверждающий жизнь: «Святая Россия и Православная Церковь, которую "врата ада не одолеют", - существует, и существует более чем когда бы то ни было». Эти слова были написаны ею в преддверии могилы. Когда через три месяца после смерти мучеников нашли место их упокоения, то увидели, что Великая княгиня лежала на бревенчатом выступе на глубине пятнадцати метров, с образом Спасителя на груди, который был благословлен ей в день присоединения ее к Православию. Праведники во веки живут!

И русские новомученики - это те, ожидаемые Вселенской Церковью жертвы, кои дополнили число убиенных за Слово Божие. И кто знает, сколько еще продлится то «малое» апокалиптическое время, в кое созревает земная Церковь до Суда Божия, который отстоит живущим на земле за кровь праведников?

«Новые страстотерпцы Российской империи, исповеднически попрели земное претекшии, страдающими дерзновением приимиши, молитесь Христу, вас укрепившему, да и мы, зумевшие зло, она примет его как приговор свыше, как ниспосланную ей возможность делом подтвердить то, что составляло смысл и содержание ее жизни».

Любовь к Богу и любовь к людям была истинным смыслом ее жизни, и она привела Великую княгиню на крест. И ее крест вырос и преобразился в Крест Христов и стал ее наслаждением. Великая княгиня потеряла супруга, погибшего от злонамеренной руки террориста. Своими руками она собирает

НА ЛАГПУНКТЕ УНЖЛАГА

Из Бутырской тюрьмы в ночь на 26 июня 1941 года нас вывели в этапом в 1310 человек и привезли в красных товарных вагонах на станцию Сухобезводную. На пересыльном лагерном пункте нас распределили по всем лагпунктам Унжлага. На 123 лагпункте по началу меня зачислили в лесоповальную бригаду строгого режима - интернациональную по составу. В «режимку» собрали («особоопасных») «контриков»: два испанца, один немец, два англичанина, три латыша, один еврей, несколько эстонцев и трое нас, русских.

Ходим в лес, пилим сосны, ели, березы. Раскоряживаем на строевой, шпальник, понтонник, ружболванку; непригодный лес идет на дрова, а из тонкомерных деревьев пилим рудстойку. Тяжело, голодно, холодно... Дневная норма - четыре с половиной фаст-метра. А так как в бригадирях и учетчиках всегда блатняки (уголовные преступники), то «контра» (политические) ущемляется в оценке исполненной работы. «Контра» по большей части получает пайку хлеба 450-500 граммов, а блатняки - 700 и даже более. «Контру» обычно презирают и ненавидят чекисты, охрана и даже те из заключенных (бытовики), которые хотят выглядеть перед властями вполне благонадежными гражданами и потому на людях клеймят «контру» врагами народа.

Работая на лесоповале, никогда я не могу выполнить дневную норму выработки и с каждым днем все более и более изнемогал от непосильной работы, сдавал физически.

Старался постоянно молиться: «Боже, будь со мною!»

Когда завистники клеветают на меня, когда товарищи смеются надо мною, когда враги преследуют меня, - Я пред Тобой - одна молитва: Боже, будь со мною!

Когда от общества родных я отлучен, когда презрен я властью и страню, когда в тюрьму или лагерь заключен, Я пред Тобой - одна молитва: Боже, будь со мною!

Когда изнемогаю на работах я в лесу, когда от холода я коченую под пургой, когда в постели я больно лежу, - Я пред Тобой - одна молитва: Боже, будь со мною!

Позже меня перевели в бригаду могильщиков. Нас двенадцать человек, тринадцатый - бригадир - блатняк с «детским» сроком в 3 года. Все мы - большие пеллагры, отечные, истощенные... По состоянию здоровья лучше меня в бригаде только четверо: они - то нас и выручают на работе.

При выходе на работу мы получаем около зоны четыре кирки, четыре лома, четыре лопаты, два топора, две поперечные пилы. Двое конвойных нас сопровождают. Огибаем лагерь, проходим просекой метров 500, и перед нами поляна примерно полтора квадратных километра: тут кладбище, хотя никаких его внешних признаков - крестов, памятников, насыпей - не заметно, все покрыто метровым слоем снега. Зима началась стояла морозная (до 48 градусов) и беснежная, теперь же, со второй половины

даже из двойного слоя брезента, не греют. В конце концов на расчищенной от снега площадке разводится костер, который через некоторое время перемещается, а на прежнем месте ломами и кирками долбят землю. Затем вновь зажигают костер. Так несколько раз, пока не будет достигнута заданная полуметровая глубина могильной ямы.

И все время маешься - мерзнешь! У костра чуть отогреться пятнистые иссиня-фиолетовые и покрасневшие руки.

Священник Михаил Труханов

Священник Михаил Труханов 15 лет жизни провел в тюрьмах, концлагерях и на принудительном поселении. Осужден был, как и многие священнослужители, якобы за антисоветскую агитацию.

БОЖЕ, будь со мною!

января, стала мягче: выпадают обильные снега и температура довольно устойчиво держится от 25 до 35 градусов мороза. Раздается команда «Стоять!» Останавливаемся. Один из конвойных прорезывает на лыжах вокруг нас большой круг; затем нам объявляют по форме, что при выходе за пределы зоны, обозначенной лыжней, «конвой применяет оружие без предупреждения».

Бригадир сразу же намечает площадку, которую нужно очистить от снега. И, когда в четыре лопаты здесь начинается перекидывание сыпучего снега, четверо других идут с конвоирами в лес, чтобы обеспечить дрова для костра около конвоиров и костра для оттаивания мерзлого грунта там, где копают могилы. Собственно, могила роется одна и всего на глубину полметра - захоронение заключенных происходит ведь без гробов (и без белья), поэтому - то ни большой глубины, ни большого места не требуется.

Проходит часа два-три. Нас, к этому времени страшно уже иззябших, ведут в лес, где заготовлены раскряженные кругляки соснового и елового сухостоя для костров.

Сегодня 25 градусов - это очень холодно для голодных заключенных, многие из которых уже отморозили щетки, носы, а некоторые руки и ноги... Одежды мы «по форме»: стеганные телогрейки, бушлаты, шапки-ушанки, штаны, стеганные чулки (бахилы), обуты в лапти - все это с прожженными дырами, с торчащей там и сям ватой. Главная беда - руки мерзнут. Губные брезентовые рукавицы,

А оденешь их в рукавицы, да возьмешь в руки телячьи лапы, чтобы землю долбить, - сил нет и получается только: тук-тук! Там, где земля немножко оттаяла, откалываются маленькие кусочки. Когда же достанешь ломом до мерзлоты, он звенит при ударе. И только сушишь руку. Ничего не откалывается! Мерзнут руки, и сам конченешь, опять приходится подходить к костру.

Хорошо, если конвой не запрещает греться у костра при подготовке могилы. А ведь в других случаях, увы, не единичных, конвой подбегит к костру, наорет с матерщиной и наскочит с пинками, чтобы занимались работой, а то и костер разбросают, вдобавок ногами снег насыпят на головешки, чтобы все потухло.

ЛИТУРГИЯ В КАМЕРЕ

Во время прогулки к моему подошел украинец лет сорока и отрекотомовался: «Я - Василий Васильевич», и добавил: «священник». Благодарил меня за полезное для зеков вчерашнее слово о христианстве... По возвращении в камеру мы все время уже проводили вместе. После обеда надзиратели вызвали Василия Васильевича к двери: на его имя поступила посылка от родных. За дверями камеры надзиратели потрошили посылку и сквозь кормушку передавали ему содержимое. Кусковой сахар в газетном культе принимал я, подставив подол своей рубашки: сюда

же ссыпали сушеные яблоки и груши. Потом появился кусок свиного сала. Много было возни с сухарями: надзиратели рассыпали какую-то часть на кормушке, потом отдавали нам, потом насыпали новую порцию. Так весь мешочек сухарей был просмотрен. Потом на кормушку положили буханку хлеба, которую надзиратель резанул на две части, развернул по срезу и, ничего не обнаружив, отдал половинки хлеба.

Получив содержимое посылки, мы пробрались к месту Василия Васильевича на нижнем этаже. Когда все уже было кончено, о. Василий показал мне тонкий листок бумаги, на котором простым карандашом был нарисован крест, а внизу его подписано: «Благословляется одноразовое совершение литургии. После священнодействия съест. Епископ...»

Дня через два о. Василия выдвинули на этап - в Воркуту, на угольные шахты. Я молюсь за приснопамятного о. Василия, сподобившего меня причаститься святых Христовых Тайн перед отправкой моей на Дальний Восток. Этап этот, продолжавшийся четыре с лишним месяца, был для меня очень и очень тяжелым.

Юра, с которым теперь я помещался бок о бок, как-то потихонечку заговорил со мною, вспоминая об убитом им в Мытищах архиерее:

- Ты вот говорил, что для христианина «жизнь - Христос, и смерть - приобретение». Эти же слова перед смертью сказал и поп, которого я убил. Ужели, в самом деле, так легко принимают смерть все христиане? Ведь боль, страдание - всегда для всех людей тягостны, а тем более - предсмертные страдания. И вот на это христиане охотно идут... Ведь это для человека даже противостоительно.

- Все так. Тяжело страдать всем, и всем больно. Но верующий в Бога знает уверенно, что страдания кратковременны и что ему - именно чрез смерть тела - дана будет вечная радость жизни в любви, в единении со Христом. Зная это, христиане преберегают смерть, чтобы, лишившись жизни временной и тяжелой, получить чрез смерть жизнь в любви и радости, жизнь блаженную и вечную с Богом.

- А что мне надо бы сделать, чтобы у меня выработалось именно такое бесстрашное отношение к страданиям и смерти? - спросил меня Юра.

- Стать настоящим христианином, последователем Христа, - ответил я ему.

- С сегодняшнего дня я готов быть именно таким христианином. Помогли мне в этом. - Начни, Юра, с покаяния. Надо осознать мерзость и греховность всей твоей прошлой жизни. Затем научи жить так, чтобы святу быть - не делать ничего того, что противно Богу. Добейся, чтобы в тебе была всегдашняя радость, а это не стояло достижается. Смирением молись: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя грешного!» Непременно сам прочти Евангелие и, размышляя над словами Христа, исполний их. Скажано: Верующий во Христа спасен будет. Всякий, кто призовет имя Господне, спасется. Вот и задача для тебя: молись Богу, живи по-Божьи, и спасайся; и да поможет тебе в этом Господи!

ПОРУШЕННЫЕ МОНАСТЫРИ И ХРАМЫ ОРСКОГО УЕЗДА

В городе Орске

1. Спасо-Преображенский собор 1893 года, при нем церковно-приходская школа, построенная в 1903 г., и приписная Никольская церковь, построенная в 1892 г.
2. Михаило-Архангельская церковь, построена в 1885 г.
3. Покровский женский монастырь, в котором были:
 - I. Каменный храм (1899–1908 г.г.)
 - II. Приписная Параскевинская церковь
 - III. Церковно-приходская школа, построена в 1914 г.
 - IV. Жилые корпуса, дома, филиалы, служебные постройки.

В Орском уезде

- В Орском уезде по данным страховых ведомостей в алфавитном порядке — названия населенных пунктов с учетом измененных границ Оренбургской губернии были:
1. Казанско-Богородицкая церковь в пос. Адрианопольский.
 2. Николаевский молитвенный дом на прииске Айдырлинский.
 3. Казанско-Богородицкая церковь на прииске Айдырлинский.
 4. Казанско-Богородицкая церковь в хуторе Аксакальский.
 5. Михаило-Архангельская церковь в пос. Аландский.
 6. Николаевский молитвенный дом, при нем церковно-приходская школа и надворные службы в селе Александровское.
 7. Николаевская церковь в селе Александровское.
 8. Михаило-Архангельская церковь в хуторе Алексеевский.
 9. Михаило-Архангельский молитвенный дом в хуторе Алексеевский.
 10. Покровский молитвенный дом в хуторе Атинган.
 11. Рождество-Богородицкая церковь в селе Бакинское.
 12. Михаило-Архангельская церковь в пос. Банный.
 13. Георгиевская церковь в селе Бердяш.
 14. Казанско-Богородицкая молитвенный дом в пос. Березовский.
 15. Михаило-Архангельская церковь в пос. Бриенский.
 16. Вознесенская церковь в пос. Верхне-Озерное.
 17. Крестовоздвиженская церковь в станице Воздвиженская.
 18. Иоанно-Богословская церковь в хуторе Воронежский Ново-Покровского благочинного округа.
 19. Покровский молитвенный дом в деревне Воскресенка.
 20. Михаило-Архангельский молитвенный дом в хуторе Воскресенский.
 21. Михаило-Архангельская церковь в хуторе Воскресенский.
 22. Казанский молитвенный дом в товариществе Георгиевское.
 23. Никольская церковь в станице Гирияльская.
 24. Иоанно-Предтеченская церковь в пос. Губерлинский.
 25. Михаило-Архангельский молитвенный дом в

26. Михаило-Архангельский молитвенный дом в хуторе Дубиновский.
27. Михаило-Архангельская церковь в пос. Екатерининский.
28. Покрово-Богородицкая церковь в пос. Елизаветинский.
29. Михаило-Архангельская церковь в пос. Желтый.
30. Михаило-Архангельская церковь в селе Ивановка.
31. Михаило-Архангельская церковь в селе Ивановское.
32. Ильинская церковь в станице Ильинская.
33. Михаило-Архангельский молитвенный дом в деревне Имели-Покровка.
34. Казанско-Богородицкая церковь в пос. Казанское.
35. Михаило-Архангельская церковь в хуторе Кайраке.
36. Михаило-Архангельская церковь в пос. Колпацкий.
37. Николаевская церковь в пос. Кана Никольское.
38. Молитвенный дом

И е р у с а л и м с к о й иконы Божией Матери в хуторе Кашук.

Согласно статистическому обзору Оренбургской губернии за 1910 г. в городе Орске проживало 21 803 человека обоого пола, из них 13 893 православного вероисповедания, остальные — единоверцы, старообрядцы, католики, лютеране, меннониты и магометане. В Орском уезде проживало 272 094 человека обоого пола, из них православного вероисповедания — 134 080, единоверцев — 2 574, старообрядцев — 4 037, магометанского вероисповедания — 121 363 человека.

49. Молитвенный дом Димитрия Солунского в хуторе Михайловский.
50. Покровская церковь в с. Михайловском.
51. Покровская церковь в пос. Наследовики.
52. Николаевский молитвенный дом в хуторе Николаевский.
53. Александро-Невская церковь в селе Ново-Александровка.
54. Иоанно-Богословский молитвенный дом в хуторе Ново-Зерганский.
55. Иоанно-Богословская церковь в хуторе Ново-Киевский.
56. Николаевский молитвенный дом в хуторе Ново-Николаевский.
57. Николаевская церковь в селе Ново-Николаевское.
58. Часовня в пос. Ново-Оренбургский.
59. Николаевская церковь в станице Ново-Орская.
60. Покровская церковь в селе Ново-Покровское.
61. Николаевская церковь в селе Ново-Поим.
62. Молитвенный дом Казанской Божией Матери в

63. Петропавловская церковь в селе Петровка.
70. Петропавловская церковь в селе Петропавловское.
71. Николаевская часовня-школа в деревне Побище.
72. Покровская церковь в пос. Подгорный.
73. Покровская церковь в пос. Покровский.
74. Покровская церковь в селе Покровский Карагай.
75. Спасо-Преображенская церковь в селе Преображенское.
76. Казанский молитвенный дом в хуторе Ракитянский.
77. Рождественская церковь-школа в хуторе Рождественское.
78. Иоанно-Богословская церковь в хуторе Савельевский.
79. Покровская церковь в селе Саверовское.
80. Михаило-Архангельская церковь в пос. Севастопольский.
81. Покровско-Богородицкая церковь в селе Самарское.
82. Молитвенный дом в честь Казанской иконы Божией Матери в хуторе Сидоровский.
83. Свято-Димитриевская церковь в селе Скоробогатовск.
84. Владимирско-Богородицкая церковь в станице Таланьцкая.

85. Покровский молитвенный дом в хуторе Тарасовский.
86. Никольский молитвенный дом в пос. Терекшинский Кизильского прихода.
87. Трехсвятительская церковь в пос. Уртазымский.
88. Михаило-Архангельская церковь в селе Федоровское.
89. Петропавловская церковь в пос. Хабарный.
90. Иоанно-Богословская церковь в селе Шубино.

Иеромонах Валентин (КОРОВОВ).

КАК ПОКОНЧИЛИ С КОЛОКОЛЬНЫМ ЗВОНОМ

ВЦИК издал в 1922 г. декрет об изъятии церковного имущества тех предметов, отсутствие которых не может существенно затронуть сам культ. В редакцию газеты "Оренбургская коммуна" непрерывным потоком шли постановления общих собраний граждан о снятии колоколов с церквей, появилась рубрика "Против колокольного трезвона". "Колокола — на тракторы" — писал военный корреспондент "Смычки" Бурный: "Наша страна нуждается в металле. Поля, покрываемые сплошными бедняцко-сермяжками колхозами, нужны сотни и тысячи тракторов. И в то время... на колокольных церквей совершенно бесполезно висят сотни тысяч пудов драгоценного металла. На колокольных церквей Оренбурга бесцельно висит 10 000 пудов металла. Мы требуем — снять колокола со всех церквей и пустить этот драгоценный металл на

тракторы. Время покончить с колокольным звоном". Под заголовком "Оренбург избавляется от церковного звона" газета "Смычка" сообщила о том, что представители горсовета и общественных организаций 14 февраля 1930 г. приступили к выполнению многочисленных требований трудящихся Оренбурга, оформленных пленумом горсовета в постановлении о снятии колоколов, передаче их нуждающимся в металл заводам и о закрытии церквей". Под грифом "Совершенно секретно" председатели райисполкомов Средне-Волжского края (куда входила Оренбургская губерния) в 1933 году получили циркуляр: "В целях увеличения плана заготовок лома колокольной бронзы намечено частично изъятие в IV квартале 1933 г. лома колокольной бронзы... Снятие колоколов должно быть произведено в кратчайший срок,

перевозка их должна быть обставлена таким образом, чтобы это не привлекало излишнего внимания окружающего населения. Снятые колокола должны быть доставлены к ближайшим железнодорожным станциям. При этом обжитые советы в пятидневный срок по окончании разверстки передать местным конторам треста "Металлом" наряды на получение колокольной бронзы с соответствующих точек..." Затем следовала "Разверстка по изъятию колокольной бронзы на IV кв. 1933 года по Средне-Волжскому краю: Абдулинский — 1500 кг, Бугурусланский — 1000 кг, Бузулукский — 3000 кг, Илекский — 3000 кг, Кваркенский — 1000 кг, Орский — 2000 кг, Соль-Илецкий — 1500 кг, Сорочинский — 2000 кг, Шарльковский — 1000 кг... Всего по краю планировалось собрать колокола общим весом 119 тысяч килограммов.

За веру пострадали 27000 человек

Число пострадавших за веру в XX веке, биографические данные которых выявлены и введены в базу данных "Новомученики и исповедники Русской Православной Церкви XX века", превысило 27 тысяч. Из них прославлены в лике святых уже 1.552 (вместе с прославленными 27 декабря 2005 г.). Эта новость, как важное общецерковное событие, была отражена на ведущих сайтах Московской Патриархии. Сотрудники кафедры информатики отмечают при этом интересную закономерность: 21 декабря на Епархиальном собрании Московского духовенства Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II привел следующие статистические данные: "В настоящее время во всей Русской Православной Церкви насчитывается 132 епархии с общим количеством приходов 26 600; действующим 688 монастырей". Таким образом, число действующих храмов в Русской Православной Церкви примерно равно в конце 2005 года числу выявленных имен пострадавших за Христа. Такое соответствие наблюдается уже в течение десяти лет.

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК МАКАРИЙ КВИТКИН (1882-1931)

Отец Макарий родился в 1882 году в Орске Оренбургской губернии в семье благочестивых родителей Феодора и Евдокии Квиткиных. С раннего возраста он возлюбил Христа, был глубоко религиозным юношей, часто посещал храм, читал и пел в хоре. Он окончил учительскую гимназию и преподавал в школе. В 1904 году Макарий женился на Ефросинии Кондратьевне Беззубовой, девице из религиозной семьи. Через год у них родился первенец Сергей.

Несколько лет Макарий проработал учителем, затем окончил духовную семинарию, принял сан священника. Пастырское служение о. Макарий начал в Новотроицке Оренбургской губернии. Перед революцией он служил в селе Нижняя Павловка, в двадцати пяти километрах от Оренбурга. В 1918 году родился второй сын Владимир. В 1920 году батюшка с семьей поселился в селе Александровка Оренбургской области. Служил о. Макарий в молитвенном доме, а в 1924 году построил небольшую деревянную церковь, которую закрыли в 1925 году, и семья переехала в Оренбург.

В то время правящим архиереем Оренбургской епархии был епископ Иаков. Осенью 1920 года о. Макарий был определен Владыкой Иаковом вторым священником в большой трехпрестольный храм, в пригороде Оренбурга Форштаде, главный придел которого назван в честь преподобного Серафима Саровского.

В 1925–1926 годах епархией временно управлял Владыка Дионисий. Сын отца Макария Владимир служил архиерейским жезлоносцем и часто ездил с Владыкой Дионисием, когда тот вел Богослужения в других, пока еще открытых церквях Оренбурга и женском монастыре.

В те страшные времена гонений на Церковь и духовенство, чтобы вынудить закрыть церковь, власти облагали Церковь непосильным налогом. После каждой выплаты налог намеренно увеличивался и возрастал настолько, что сумма уже не могла быть выплачена приходом. Делалось это обычно поквартально. Затем постановили увеличивать налог каждый месяц. Сначала приходу как-то удавалось погашать эти задолженности, но вскоре власти стали забирать серебро и золото, из которого были сделаны священные сосуды, ризы и оклады с икон и Евангелий, другие ценные предметы — в счет уплаты налога. После незаконного грабежа церковь совсем закрыли в 1930 году, объясняя это неплатежной задолженностью. К тому времени в семье отца Макария было четверо детей: дочери — Ольга и Раиса, сыновья — Владимир и Ни-

колай. Старший сын Сергей, выполнявший обязанности псаломщика в селе Черный Отрог Оренбургской области, жил отдельно. Отец Макарий с семьей ютился в небольшой старой бане, кое-как приспособленной для жилья.

По приезду в Оренбург в 1925 году, батюшка с матушкой и детьми временно поселился в доме трех сестер — монахинь, а затем снял квартиру у одной вдовы. Но к ней приехал сын-коммунист и потребовал, чтобы «поп убирался с квартиры». Тогда отец Макарий купил небольшой участок земли с баней, собираясь впоследствии построить небольшой домик. Из бани выкинули все «банное», посередине сложили русскую печку с полатями, поставили небольшой обеденный стол, кровать для родителей, сундук с одеждой. Дети спали на сундуке и на печке, а некоторые просто на полу — все в одной комнате с родителями. Эта маленькая комнатка, где пройти можно было только поодиночке, служила им и кухней, и столовой и спальней. Из этой бани и забрали о. Макария в тюрьму...

Питалась семья подающими прихожан, которые иногда тайком приносили хлеб и картошку, озираясь по сторонам при выходе из двора, чтобы не заметили посторонние. Никакого другого пособия Квиткины не получали, так как числились «лишенцами» (лишенными гражданских прав, к этой категории принадлежали, в частности, семьи духовенства).

Баня, где они жили, находилась примерно в четырех-пяти кварталах от церкви. Каждый раз, когда о. Макарий с детьми шел на Богослужение, на улице их встречали пионеры и кидали в них песком и камнями. Батюшка приказал детям никогда не отвечать на эти проделки, заступничества ни от кого ждать не приходилось.

Остался один в Свято-Серафимовском храме, его начали терроризировать, вызывая в ГПУ. Первый вызов о. Макария был в связи с тем, что под его настоятельством приход не платит (законного) обложения, на втором — предупредили: если церковь не выплатит указанной суммы, то ее закроют. Безбожники предложили о. Макарию (так как церковь все равно закроют) публично отречься от Бога и священнического сана, заявив об этом в областной газете и признав себя человеком, «одурманяющим» людей «религиозным мракобесием». Взамен пообещали место учителя или директора школы. На это о. Макарий ответил категорическим отказом. Тогда, его начали убеждать, что только таким образом он сохранит жизнь

себе и своим детям. Отец Макарий отвечал, что ему смерть не страшна, а детей он вручает воле Божией, и обет, данный им Богу, никогда и ни при каких обстоятельствах не нарушит. (Господь призрел на упования мученика: все его дети выросли честными, верующими и благочестивыми людьми...) Чекисты же посоветовали ему хорошенько подумать и дать окончательный ответ.

В холодную январскую полноту 1931 года безбожники пришли с обыском, который продолжался до четырех часов утра. Они ничего не нашли. Перед уходом о. Макарий простился с семьей, благословил матушку и детей; и его увезли в тюрьму.

Небольшая передача продуктов и белья в тюрьму хотя и очень редко, но принимали. В марте матушка со старшей дочерью Ольгой понесли передачу, но ее не приняли, не объяснив причину отказа. Стали ждать. В три часа пополудни всехождавших отогнали, двери тюрьмы открыли и вывели арестованных (примерно 25–30 человек), в числе которых и о. Макарий. Увидев свою жену и старшую дочь, он помахал им издали рукой. Выглядел он совсем здоровым. Группу довели до здания ГПУ, пустили внутрь, а родственникам приказали сидеть в коридоре, чтобы пришли завтра к девяти часам, и тогда им все разъяснят. Некоторые не послушались и в ожидании кружили вокруг здания ГПУ. Охранники сделали еще несколько предупреждений, а затем устроили облаву и арестовали несколько человек, в число которых попала жена о. Макария с дочерью.

Продержав их до утра в подвале, им выдали справку о смерти о. Макария в тюрьме и строго-настрого запретили говорить о том, где они были и что видели. На вопрос матушки о. Макария: «А где же тело моего мужа? Я хотела бы его похоронить», — начальник, выдавший справку о смерти, выругался и сказал, что «ничего беспокоиться, его похоронит советская власть, как он заслужил перед ней», и приказал убраться, пока не поздно. Потом узнали, что в этой группе были, в основном, популярнейшие среди верующих священники из Оренбурга и разных районов области, а также стойкие истинные христиане, которые мешали сатанинской власти. Все эти люди, несколько часов назад здоровые и бодрые, спокойно и быстро шагавшие из тюрьмы до здания ГПУ, вдруг на другой день «умерли в тюрьме», о чем было завезено справками, выданными родным. Последствием распространения тайных слухи, что всех их загнали в одну подвальную комнату здания ГПУ и удушили газом. Ни одному из родственников не выдали тела для погребения.

Протоиерей Макарий Квиткин отошел ко Господу в Верное воскресенье 5 апреля 1931 года. Так отдал свою жизнь за истинную веру стойкий мученик и истинный пастырь, любимый своими прихожанами, верный служитель на ниве Христовой.

Еще при жизни по молитвам будущего новомученика совершались чудеса. Когда сыну о. Макария Владимиру было десять лет, он заболел корью, скарлатиной, а затем неизвестной болезнью, которую врачи не могли вылечить. Он болел уже более восьми месяцев, почти не подавая признаков жизни, и мать только вливала ему в рот по несколько ложек бульона в день. От него остались только кожа да кости. В один из вечеров Ефросиния Кондратьевна села шашить из простыни белье, чтобы Володу можно было положить в гроб в чистом. О. Макарий пошел в другую комнату молиться и просить у Господа Бога или смерти и прекращения мучений сына Володи, или дарования ему исцеления и здоровья. Вскоре все, за исключением матушки, легли спать.

И вдруг в два часа ночи кто-то позвонил. Матушка открыла дверь и увидела друга о. Макария по учительской гимназии. Как он узнал их адрес и что его заставило зайти в такой поздний час — неизвестно (они не переписывались и не виделись больше пяти лет). На вопрос о. Макария он ответил, что здесь проездом (направлялся в Ташкент) и решил навестить старого друга. Матушка рассказала о болезни сына и попросила ее поехать с ним, чтобы увидеть сына и попросить его о прощении. Макария это предложение отклонил, сказав, что «ничего страшного, я поеду с вами, но только в том случае, если вы сможете оплатить проезд». Макария это предложение отклонил, сказав, что «ничего страшного, я поеду с вами, но только в том случае, если вы сможете оплатить проезд».

И вдруг в два часа ночи кто-то позвонил. Матушка открыла дверь и увидела друга о. Макария по учительской гимназии. Как он узнал их адрес и что его заставило зайти в такой поздний час — неизвестно (они не переписывались и не виделись больше пяти лет). На вопрос о. Макария он ответил, что здесь проездом (направлялся в Ташкент) и решил навестить старого друга. Матушка рассказала о болезни сына и попросила ее поехать с ним, чтобы увидеть сына и попросить его о прощении. Макария это предложение отклонил, сказав, что «ничего страшного, я поеду с вами, но только в том случае, если вы сможете оплатить проезд».

По соседству с их баней находилось коммунальное хозяйство, где содержалось несколько голов скота, там же хранился запас горючего. Однажды, когда матушка была в отъезде и дети находились дома одни, в соседнем дворе начался пожар. Горючее воспламенилось, пламя бушевало, искры летели во двор Квиткиных, весь заваленный сухой картофельной ботвой. Дети встали перед иконами, горячо и усердно молились Богу и просили отца своего покойного защитить их. Молитвами новомученика Бог сохранил их от этой беды.

КОММУНИСТ, ДАЙ НАМ ХЛЕБУШКА!

В начале 90-х годов я работал на восстановлении храма Александра Невского в поселке Колывань, под Новосибирском. Один работник местного поссовета рассказал об обмане, который придумали коммунисты в годы советской власти, чтобы отвратить детей от Бога.

Человек этот был тогда малышом, ходил в детский сад, который устроили в доме сосланного священника. Время было голодное - хлеба не было. На втором этаже батюшкиного дома был резной балкончик. Туда поставили корзину с нарезанными кусками хлебушка, привязали к корзине веревку, посадили туда человека. А внизу гуляли дети. Ребятиш-

кам снизу этих приготовлений к «спектаклю», конечно, видно не было. И вот один «агитатор» так заговорил с детьми:

— Детки, вы, наверное, кушать хотите? Да? Тогда кричите, громко кричите: «Боженька, дай нам хлебушка!»

Детки, конечно, кричат, стараются.

— Ребятки, Боженька вас не слышит, еще громче просите!

Дети громче выкрикивают:

— Боженька, хлебушка нам дай!

— Почему же Боженька не отвечает? — спрашивает тот «агитатор». — А может, никакого Боженьки и нету вовсе? А раз нету — никто вам хлебушка не даст... А теперь кричите: «Коммунист, дай нам хлебушка!»

Они только крикнули — как сверху, с балкона, опускается на веревочке

корзинка с хлебом, как бы сама собой.

— Вот видите, дети: никакого Боженьки нет, а есть коммунисты! Нате, дети, кушайте! Будем теперь жить с коммунистами, а Бог нам не нужен.

На деток малых тогда этот дешевый прием безбожной «проповеди» произвел впечатление, тем более что тогда кусок хлеба дорого стоил.

Но что сейчас нас, взрослых и умудренных, заставляет верить, когда, как и в прежние времена, нам лгут о Боге? Скольким таким обманам мы готовы верить? Лукавые заморские проповедники, всякие «благодетели» травят нас души своими байками, а мы искренне считаем, что они хотят просветить нас. Строители глобалистского мира внушают нам, что христианство устарело, и мы верим, что оно мешает благоденствию. Поверим ли новым льстивым словам против Христа? Предадим ли веру и родную жизнь? Вот выбор для каждого из нас.

СНИМИ КРЕСТИК!

Может, и очень скоро, настать время, когда каждого из нас спросят: в кого веришь? Исповедуем ли тогда Христа безбоязненно? Или отречемся ради сытости и спокойствия? Для укрепления в вере нам почаще надо обращаться к жизни исповедников, потерпевших за веру.

Во время моей службы в Самарканде я познакомился со стареньким священником отцом Кондратом и псаломщицей Агриппиной Ивановной Меленчук. Удивительны их судьбы. Оба из Белоруссии. Оба старенькие. Оба калеки. Оба по 10 лет отсидели.

Агриппина пострадала за крестик, то есть за крест Христов, который она не сняла даже перед угрозой тюрьмы и ссылки. Родителей ее — «врагов народа» — арестовали, ее же отдали в детдом. Когда выросла, устроилась работать в Минске на ткацкую фабрику. Мастер цеха заметил, что носит она крестик, подошел к ней:

— Агриппина, сними крестик.

Она молчит. Мастер и на другой день к ней с тем же требованием. Она опять ничего не ответила и крестик не сняла, хотя могла, как многие, для вида снять или спрятать куда-то. На третий вечер мастер говорил с ней резко, почти кричал:

— Агриппина, ты почему крестик не сняла?!

Вот так. Помешал им крестик. Она опять ничего не ответила. На четвертый вечер ее вызвали в контору. В кабинете директора сидели два человека в кожаных пиджаках.

— К нам поедете, — сказали. Та было упираться. А директор успокаивать стал:

Когда за машиной закрылись двое железных ворот, сердце у Агриппины стукнуло: «Ой, куда привезли?» Закричала:

— Отпустите меня!

Да уже поздно было. Усадили арестованную за стол, и пошли допросы: где родилась, кто родители, родные — всю подноготную выяснили. Следователи менялись один за другим, начиная сначала одни и те же вопросы задавать. Тогда она говорит:

— Так сколько вы манежить меня будете? Я есть хочу!

Принесли ей кусок хлеба и кружку кипятка. Потом крестик увидели. Потребовали:

— Сними крестик!

— Нет, не сниму — я крещеная.

Настаивать не стали, но подошли трое охранников:

— Снимай платье!

— Нет! Убейте — не сниму

платье! Я девица.

Бесполезно протестовать. Грубо осмотрели ее: нет ли каких пятен на теле, родинок, бородавок — особых примет на случай побега. Она тогда все еще не поняла, к чему дело идет. Потребовала после допроса:

— Везите меня домой!
— Куда тебя ночью везти? Отдохни у нас.

Завели ее в кладовку, где хранились доски, уложили на голый деревянный топчан. Уснула она крепко — намучилась на допросах. Утром соскочила, хотела свой крестик поцеловать, хватить — а крестика нет. Шарила, шарила — ниде нету. Ночью, пока она спала, пришли и сняли крестик.

На фабрику Агриппина так и не вернулась. Ее без всякого суда отправили в заключение на 10 лет в красноярскую тайгу. За что — никто не сказал. Приговора не было. Десять лет проработала на лесозаготовках. А после освобождения поехала не в Белоруссию, а в Узбекистан, где и познакомилась со своим земляком, отцом Кондратом, стала псаломщицей.

А батюшка был поистине чудотворцем. Под конец жизни высох совсем, тяжело ему стало. Матушка Агриппина слышала, как он встал перед иконами (а икон у него было — от пола до потолка!) и попросил:

— Господи! Благослови меня умереть безболезненно!

— Батюшка, ну что ты делаешь, чего ты просишь? — говорит ему Агриппина. — Зачем смерти просишь?

— Мать, я устал. Не могу. Тяжело. Ну, куда я — старый? Пора умирать, — отвечает отец Кондрат и снова молится, — Пресвятая Богородица! Помогите мне умереть безболезненно...

Только к иконе подошел — как упал и умер. В 1977 году это было. Позвонили мне — я приезжал на похороны. Тогда матушка Агриппина все и рассказала — про него и про себя. Какую она школу жизни прошла. 10 лет в лесу провела — за то только, что крестик носила.

Кто-то крест, как украшение, в ушах носит — смеется над святыней, а есть люди — и вовсе непристойно с крестом обращаются, кощунствуют. А простой русский солдат Евгений не снял креста, как того от него требовали в обмен на жизнь, и принял мученическую смерть от руки чеченских бандитов. И сегодня живо исповедничество в сердцах православных.

КАК МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ АТЕИСТОМ РАБОТАЛ

Мой друг-одноклассник, Михаил Николаевич, с которым мы и учились вместе, и в армии служили, по фамилии, как и я, был Бирюков. Наши деды были троюродными братьями. Работал он в школе преподавателем истории, а потом его взяли в пропагандисты. Атеистом работал — ездил по поселкам, по школам, по районам и всё антирелигиозные лекции читал. Против церкви проповедовал. А мамочка Анна и папочка Николай в церковь ходили. Начальство его было очень этим недовольно:

— Михаил Николаевич, ты человек передовой, читаешь лекции против Бога, а твои родители такие отсталые — в церковь ходят. Запрети им. Пусть тебя не позорят. А то придется тебя от лекционной работы отстранять.

Приехал он к родителям и стал их уговаривать:

— Мама! Папа! Прошу вас, не ходите в церковь. Из-за вас меня с работы могут снять.

— У тебя есть работа! — говорит отец. — Возвращайся в школу. Зачем ты

согласился против Бога лекции читать?

А он свое: работа ценная, его возят на машине, он в почете, только «отсталость» родителей мешает.

— Миша, сынок, — отвечает мать, — ты не веришь — не верь, делай свое дело. А я как ходила в церковь — так и буду.

Так и не смог он уговорить отца с матерью.

Шло время. Отец умер. Тогда Михаил Николаевич решил хитростью отвадить мамочку от церкви. Решил ее в своей квартире поселить. Привез в гости:

— Вот, мама, твоя комната. Я все для тебя приготовил, чтобы тебе хорошо у меня жилось.

— Нет, Мишенька! Ты ведь не дашь мне иконы повесить, свечки не дашь зажечь?

— Нет, мама, не дам...

— Тогда я лучше буду одна в своем доме жить.

— Ну, что ж, мама, живи. Только не ходи в церковь — прошу тебя.

— Нет, Миша, не проси. Ходила и буду ходить.

Но пришло время — и мама умерла. Михаилу Николаевичу позвонили, он срочно приехал. Увидел

мать под иконами — досада его взяла: придут, дескать, сейчас старухи со свечами да с молитвами, священника позовут. Взял тело матери на руки и понес к машине — похороню, дескать, по-своему. Только дошел он до двери — что такое: не видит ничего!

— Почему нет света? Где свет? — стал требовать.

А как ему помочь? Это ведь не лампочку включить! Проверили — он не видит абсолютно. Под руки его увели, посадили в машину — и в больницу. Но профессора ничего не могли сделать, никакие лекарства не помогали.

Зрение вернулось к Михаилу лишь когда матери 40 дней справили. Только тогда он начал нормально видеть, освободился от своей «странной» болезни. Когда прозрел и вышел из больницы, сказал:

— Теперь, как и мать с отцом, пойду в церковь.

Власти говорили, будто у него с головой что-то случилось. Но на самом деле он уже не смог больше «проповедовать» против Бога. Замолчал. Надо думать — после такого вразумления что еще можно сказать!

Ответственный за выпуск
благочинный Орского округа
протоиерей ОЛЕГ ТОПОРОВ

Редактор Т. БАЗИЛЕВСКАЯ.

Газета издается с 1996 г., выходит два раза в месяц. Регистрационное свидетельство ПИ № 7-2055.

Тел. редакции...25-07-66
orskpr@mail.ru

Отпечатано в ООО «Орскпресс».
Объем 2 п. л. Тираж 2000 экз.

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

Дорогие братья и сестры! Газета «Орск православный» нуждается в вашей поддержке. просим ваших молитв и, по возможности, финансовой помощи. Спаси, вас, Господи!

Дорогие братья и сестры!
Просим не использовать эту газету
для хозяйственных целей. Если она
стала вам не нужна, пожалуйста,
подарите ее знакомым или отдайте
в любой православный храм.